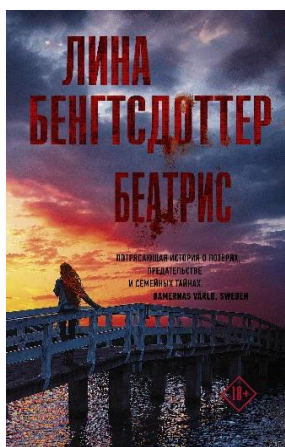

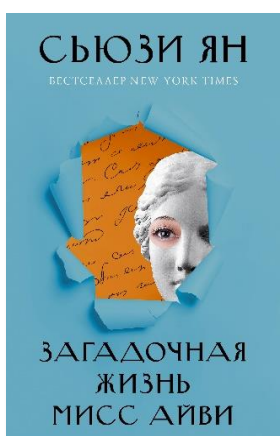
Дайджест содержит отрывки из книг:

с. 2 - 16

с. 17 - 28

с. 29 - 35

с. 36 - 45

с. 46 - 62

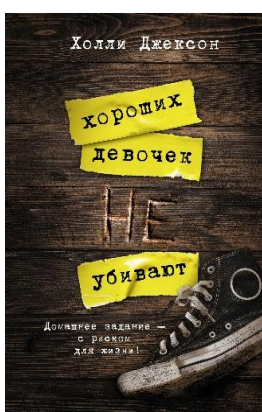
с. 63 - 74

с. 75 - 87

с. 88 - 93

с. 94 - 104

ЛИНА БЕНГТСДОТТЕР БЕАТРИС

ПОТРАСАЮЩАЯ ИСТОРИЯ О ПОТЕРЯХ,
ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ
И СЕМЕЙНЫХ ТАЙНАХ.
DAMERNAS VÄRLD, SWEDEN

Лина Бенгтсдоттер. «Беатрис»

Большой белый коттедж Пальмгренов располагался на холме. За деревьями в огромном саду угадывалась гладь воды озера Венерн. С двух сторон от входа высились две колонны, а перед ними – терраса, где утром и стояла коляска. Когда они подошли ближе, Чарли заметила колыбельку, подвешенную к ветке дуба. Перед двойным гаражом стояли две машины: городской внедорожник и «Тесла».

Чарли нажала на кнопку звонка. Дверь открыла женщина лет тридцати пяти. Она представилась как Шарлотта Юландер, близкая подруга семьи.

— Ваши коллеги сидят там, наверху, — сказала она. — Мы только и ждем, чтобы похититель позвонил и сказал, что она у него, что она жива и... если речь о деньгах, то все устроится. Иначе просто быть не может.

Чарли огляделась по сторонам, пока Шарлотта вела их через комнаты с тяжелыми портьерами натуральных цветов, светлой деревянной мебелью и картинами приглушенных тонов.

Коллеги спустились вниз и кратко представились. Это были мужчина и женщина, оба с серьезными лицами.

Фрида Пальмгрен сидела за кухонным столом. В руке она сжимала игрушечное одеяльце с мягкой головой кролика на уголке. Она вовсе не походила на фотографии счастливой молодой матери в социальных сетях, но, хотя косметика размазалась и волосы растрепались, была убийственно хороша собой.

Рядом с мойкой стоял мужчина, в котором Чарли узнала делового партнера Густава Пальмгрена. Он шагнул вперед, поздоровался за руку и назвался Давидом Юландером.

Шарлотта подошла к Фриде и осторожно сказала, что приехали полицейские из Стокгольма.

Не дожидаясь вопросов, Фрида начала сбивчиво рассказывать: она поставила Беатрис на веранду, как обычно делала в первой половине дня, и потом пошла в дом прибираться, а позже, когда выглянула в следующий раз... Она затрясла головой.

Давид поставил перед ней стакан воды. Чарли задалась вопросом, где же Густав, и в ту же секунду он вошел в кухню. Высокий, хорошо одет. Рука у него чуть заметно дрожала, когда он протянул ее для приветствия.

— Я выставила ее ненадолго, чтобы она поспала, — снова начала Фрида. — она обычно спит на веранде... и потом... потом, когда я вышла, коляски на месте не было, и ее не было. Она пропала.

Андерс попросил Шарлотту и Давида подождать в другой комнате. Им требовалось поговорить с родителями наедине.

Чарли отметила, что кухня начисто лишена индивидуальности. Никаких бумажек с напоминаниями на холодильнике, ни календаря, ни фотографий. Единственное, что

наводило на мысль о том, что в семье ребенок — несколько слюнтявчиков, лежащих на столешнице, да высокий детский стульчик у торца стола.

Фрида снова начала рассказывать, что произошло. Она ничего не видела, ничего не слышала, Беатрис была там, а потом пропала.

«Ей надо дать успокоительное, — подумала Чарли. — Ей срочно надо что-нибудь дать, чтобы заглушить этот шторм ужаса, вины и паники, пока она совсем не сошла с рельсов».

— Фрида, — проговорил Андерс. — Мы понимаем, что все это ужасно, что вам сейчас трудно четко мыслить и...

— Что мы будем делать, если она не вернется? — спросила Фрида, словно эта мысль пришла ей в голову только сейчас. — Что мы будем делать, если...

— Мы сделаем все, чтобы разыскать вашу дочь, — сказала Чарли, обращаясь к обоим сразу. Слова казались совершенно неуклюжими.

Густав положил руку на плечо Фриды. Лицо у него напряглось, под кожей проступили желваки.

— Я должен идти искать, — проговорил он и обернулся к Чарли. — Я не могу просто сидеть на месте.

— Людей отправили на поиски, — ответила Чарли. — Сейчас лучший способ помочь— это ответить на наши вопросы.

Густав кивнул и сел.

—Вы помните, сколько было времени, когда вы увидели, что Беатрис нет на месте? — спросила Чарли Фриду.

— Полдесятого, — ответила Фрида.

— А в котором часу вы положили ее спать в коляску?

— В полдевятого.

— А потом?

— Что?

— Что вы делали потом? — уточнила Чарли.

— Я прибралась после завтрака, поставила кофе и...

— За это время никого не видели возле дома?

— Нет.

— Слышали что-нибудь?

Фрида покачала головой.

— Ничего. Потом я немного почитала, а когда взглянула на часы, то было уже полдесятого, и на всякий случай я решила проверить, не проснулась ли Беатрис, хотя обычно она спит дольше. Так что я вышла, чтобы посмотреть, и...

— Вы обычно слышите, когда к дому подъезжает машина? — спросила Чарли.

— Да, это слышно, — ответил за нее Густав.

— Вы тоже слышите? — спросила Чарли, глядя на Фриду. Та кивнула.

— И вы не слышали машины?

— Нет, я ничего не слышала. Она просто была
— и пропала.

«Это еще не означает, что у похитителя не было машины, — подумала Чарли. — Он мог припарковаться в стороне от дома, подойти к веранде и укатить коляску с ребенком».

— И вы ничего не заметили, когда вышли на веранду?

— Я увидела только, что коляски нет.

— И что вы сделали? — спросил Андерс.

— Я закричала, — ответила Фрида, — то есть, я точно не помню, но мне кажется, что я закричала.

Она приложила руку к горлу.

— И потом я посмотрела вокруг, но ничего не увидела, и... Я не должна была оставлять ее без присмотра. Я не должна была...

Фрида замолчала и поднесла ладони к лицу.

— Все отнимается, — пробормотала она. — Щеки жжет.

Она поднялась.

— Куда ты? — спросил Густав.

— Не знаю, — ответила Фрида. — Не знаю, куда бежать. Просто... невыносимо больно.

— Думаю, будет лучше, если ты сядешь на место, — сказал Густав. — Полиции нужна наша помощь.

Фрида сделала, как он сказал, и Густав взял инициативу в свои руки. Он рассказал, как Фрида позвонила ему и стала кричать в трубку, что Беатрис пропала, и он набрал 112. Затем он застрял в деталях — что именно ответил оператор и сколько минут потребовалось, чтобы добраться домой.

— И в течение дня с вами никто не связывался?
— спросила Чарли. — В смысле — до того, как прибыли наши коллеги?

— Нет.

— Я просто хотела убедиться, что вы не стали ничего предпринимать без нашего участия, — объяснила Чарли, пытаясь истолковать при этом выражение лица Густава. Он без сомнений из тех, кто привык брать на себя командование и действовать по своему

разумению. В глубине души она очень надеялась, что он не будет сейчас применять эти свои качества.

— Есть ли у вас враги? — продолжала Чарли. — Возникали ли в последнее время какие-нибудь конфликты?

— Обо всем этом нас уже расспрашивали ваши коллеги, — ответил Густав. — Вы что, не общаетесь друг с другом?

— На некоторые вопросы вам придется ответить снова, — сказала Чарли.

— У нас нет врагов. Во всяком случае, мы о таких не знаем.

— Мой муж очень успешный человек, — проговорила Фрида, словно Густава в помещении не было. — Он... он со многими рассорился.

— Не думаю, чтобы моя работа имела отношение ко всему этому, — заметил Густав.

— Это правда? — спросила Чарли. — Что вы со многими рассорились?

— Всего лишь сделки, — ответил Густав. — Ничего серьезного.

Очевидно, ему хотелось сменить тему.

— Вы не могли бы рассказать о своей работе? — попросил Андерс.

— Я управляю компаниями совместно с Давидом. Наш последний проект — создание сайта в России, где можно было бы продавать и покупать подержанные вещи. Но полгода назад мы его продали. Тогда мы и вернулись из Москвы.

— Вы долго прожили в Москве?

— Около года, — ответил Густав.

— И там ничего не произошло? Я имею в виду — когда дела пошли не так или чего-нибудь такого...?

— Дела шли отлично, — ответил Густав. — А что значит «чего-нибудь такого»? Что вы имеете в виду?

— Не знаю, — ответил Андерс. — Просто пытаюсь узнать как можно больше, чтобы помочь вам.

Его прервала Фрида, которая разрыдалась.

Чарли положила руку на плечо Фриды и заглянула ей в лицо.

— Фрида, — сказала она. — Мы сделаем все, чтобы найти Беатрис. Я понимаю, что этот страх и эта боль невыносимы, но...

— Я не должна была оставлять ее спать на улице, — пробормотала Фрида. — Я должна была...

— Многие оставляют детей спать на улице, — сказала Чарли, хотя понятия не имела, так ли это.

— Я... мне холодно, — пробормотала Фрида.

— Густав, — сказал Андерс, — вы не могли бы принести кофту или плед?

Густав кивнул и исчез.

— Она не спит, — прошептала Фрида, когда Густав удалился. — Она не спит по ночам и только урывками днем, если не дать ей спать в коляске на улице. Поэтому я оставляю ее там. Я так устала. Я...

Густав вернулся назад с кофтой, которую накинуд на плечи Фриды.

— Я не выдержу, — прошептала Фрида. — Это невыносимо.

— Понимаю ваши чувства, — кивнула Чарли, — но...

— У меня больше нет детей, — проговорила Фрида. — У меня нет семьи кроме нее. Больше мне не для кого жить.

Чарли хотела сказать что-нибудь утешительное, но все, что приходило на ум, казалось таким плоским. «Нет семьи», — подумала Чарли. Фрида имела в виду ту семью, в которой родилась — умерших родителей и брата, идущего по тому же пути? Но ведь у нее есть Густав...или как? Разве она не считает мужа своей семьей?

У Чарли зазвонил телефон — неизвестный номер. Извинившись, она сказала, что должна ответить. Выйдя из комнаты и приняв вызов, она поняла, что это реклама, но вместо того, чтобы сразу положить трубку, как обычно делала, стала слушать и отвечать «угу» на предложение о каком-то выгодном кредите. Она прошла мимо стены, увешанной черно-белыми свадебными фотографиями в рамке — счастливая улыбающаяся Фрида и серьезный Густав рядом с ней. А затем — шутливый снимок, видимо, призванный изображать озорство и импровизацию: Фрида запахнулась в фату, как в плащ, а за ней Густав в позе просителя.

Пройдя дальше по дому, Чарли заглянула в детскую комнату. Обстановка была выдержана в тех же тонах, что и весь дом — бежевый, белый и серый, с небольшими вкраплениями розового. В одном углу стояла треугольная детская палатка, в другом — качалка-лошадка, везде большие мягкие звери

и игрушки. Чарли оглядела плакаты на стенах — цифры и буква в виде забавных зверюшек, а также рамка с текстом. Подойдя ближе, девушка увидела, что это то самое стихотворение, которое она видела в Инстаграме Фриды, но только все целиком:

Неужели дитя я держу на руках
И в глазах его вижу себя,
Отражается небо в блестящих волнах,
И от солнца нагрета земля?
Что за время сейчас и какой нынче год,
Кто мне скажет, как имя моё?
Звонкий смех на губах у малютки живёт,
Только как же обрёл я её?
Я живу, я живу! Я стою на земле.
Что же раньше было со мной?
Мне ждать пришлось миллионы лет.
Этой минуты одной. 1

¹ Стихотворение в переводе А.Алешина.

РЭЙВЕН ЛЕЙЛАНИ

Лучшая книга года
по версии
The New Yorker,
NPR, O Magazine,
Vanity Fair

содержит
нецензурную
брань
18+

ЖАЖДА

Рэйвен Лейлани. «Жажда».

Когда я поворачиваю голову и вижу жену Эрика, в распахнутое окно залетает ветерок, напоминая о той давнишней весне — о пыли, виниловых пластинках, комнате Клэя с витающим в ней запахом пороха, моем окровавленном нижнем белье на дне мусорки — и раздается визг; звук, в котором я узнаю собственный смех.

Мой смех, тот, который настоящий, — грубоват и уродлив, при его звуках у моих визави на свиданиях, случалось, дрожала рука. Так что нужно отдать ей должное — едва заметное движение бровью служит единственным подтверждением того, что она его слышала. Я стою напротив, зажав в кулаке рукав ее шелковой блузки, и думаю, как странно было бы обратиться к этой женщине по имени, признать тот факт, что я знаю, кто она несмотря на то, что они с Эриком приложили столько усилий, чтобы мы с ней держались как можно дальше друг от друга. Кажется

невероятным, что этот аморфный призрак округа Эсекс без явных следов присутствия в социальных сетях и есть Ребекка.

Я пытаюсь соотнести образ из своего воображения со стоящей передо мной женщиной, но данных слишком много, и слишком много моих догадок успело незаметно превратиться в факты. Поправки я вношу неохотно, удивляясь красоте ее ступней. В остальном она совершенно обычная, все в ней настолько невзрачно, что кажется почти зловещим — волосы цвета грязный блонд обрамляют лицо, помятое загаром, мальчишеская худоба, плавный переход бедер в икры и общее впечатление, что, сними она одежду, тело под ней окажется таким же гладким и невыразительным, как ил.

Я поворачиваюсь и встречаюсь с ней взглядом. Она снимает перчатки. В какой-то момент кажется, что она собирается меня ударить. Она движется на меня с настолько ровной спиной, что это было бы даже забавно, если бы ее нарочитая неторопливость не

выглядела бы такой жуткой. Мне не то чтобы страшно, но сама мысль о том, чтобы говорить развернутыми предложениями и слушать ее в этой комнате с неубранной постелью, беспорядку которой я же и поспособствовала, кажется невыносимой. Я разворачиваюсь и бегу вниз по лестнице, оглядываясь, — она следует за мной и лучи солнца скользят по ее волосам. От унизости ситуации, в которой мы оказались, у меня внутри все сжимается; через кухню мы выбегаем на задний двор, — и она падает, поскользнувшись на мокрой траве.

Теоретически мой путь свободен, но, обернувшись, я вижу грязь на ее коленях и смотрящего на нас из бассейна соседского ребенка. Мне становится стыдно за пошлость происходящего — гардении, непристегнутые велосипеды, и я стою, тяжело дыша, над чьей-то женой. Так что я подхожу к ней, беру ее за влажные ладони и помогаю подняться.

— Я знаю, кто ты, но не желаю это обсуждать, если позволишь, — говорит Ребекка,

отряхиваясь. — Я просто не закончила тебя разглядывать. Не ожидала, что ты настолько юна. Это ужасно.

— Ужасно?

— Да, для тебя, — отвечает она. Соседский ребенок вылезает из бассейна и бежит в дом.

— Уже поздно. Тебе стоит остаться на ужин, — произносит она, потирая проступающий на руке синяк. Я бы предпочла любой другой вариант, но затем понимаю, что это не настоящее приглашение, а всего лишь возможность подтвердить очевидное: за ее уступку, проявленное ею самообладание, я теперь у нее в долгу.

Ребекка ведет меня в гостевую спальню с отдельной ванной, оглядывает с ног до головы и хмыкает: «Жарко сегодня, не так ли?», намекая на то, что мне и без нее известно — пот течет с меня ручьями. Я смотрю в зеркало и вижу лоснящееся лицо. Она показывает мне на полотенце и предлагает принять душ.

Когда я выхожу из ванной, на кровати меня уже ждет василькового цвета платье, при одном взгляде на которое я понимаю, что, вероятно, никогда бы не смогла себе такое позволить; это символ царства, где цены — набор случайных чисел, царства настолько гипотетического, что когда я думаю о том, что мне нужно сделать, чтобы стать его частью, в голову приходит только напоминание о студенческом долге, и я представляю грустного сотрудника отдела кредитования, нависающего надо мной во сне.

Пытаясь надеть платье, я начинаю подозревать, что Ребекка старается меня унижить. Оно настолько узкое, что я еле втискиваюсь в него, пожертвовав возможностью дышать. Эта преднамеренная издевка так похожа на неуклюжую вежливость, что я чувствую себя обязанной подыграть. Я подумываю, не сбежать ли через окно, но замечаю припаркованные на улице машины и непрекращающийся поток гостей, стремящихся в дом. В толпе я замечаю Эрика, вернувшегося с работы: он приветствует приглашенных у

дверей. Он кидает взгляд на часы и хмурится. Семь часов — видимо, в это время начинаются вечеринки для взрослых. Я напоминаю себе, что хотела продемонстрировать свою серьезность, показать, что я не та, кого можно игнорировать, даже если и паникую при мысли, что мне придется с ним встретиться. Но сейчас, когда я смотрю на него из окна, его агрессивная нормальность кажется мне оскорбительной. Я тоже могу быть нормальной.

Поэтому я направляюсь к лестнице и, едва переставляя ноги, спускаюсь вниз — малейшее движение угрожает целостности молнии на платье, скрывающей мою грудь от взора присутствующих. Хотелось бы мне знать заранее, что соберется так много людей. Тот факт, что Ребекка эту информацию опустила, еще сильнее заставляет меня утвердиться в мысли: она надо мной издевается. Ясно, что она своего рода ведьма: за то короткое время, пока я принимала душ и переодевалась, дом превратился в нарочитую декорацию для веселой, в понимании взрослых, вечеринки — буйство конфетти и блестящих воздушных

шаров на фоне монашеского завывания нью-эйджа. Но самой хозяйки дома нигде не видно.

Я морально готовлюсь к встрече с Эриком, собираясь вести себя как ни в чем не бывало, но все равно сканирую толпу, чтобы не оказаться застигнутой врасплох. Обращаю внимание на детали, выставленные напоказ — натюрморт как из кабинета стоматолога, полки с хрусталем, фотография не улыбающихся Эрика с Ребеккой на фоне развалин Помпеи, — и на то, что предпочли бы спрятать от посторонних глаз: мусор на кухне, следы от пальцев на экране телевизора. Я беру крабовую котлетку с подноса официанта, чтобы чем-то занять руки; в конце концов, пора что-нибудь съесть, чтобы желудку было чем заняться помимо бесконечного вырабатывания подкатывающей к горлу желчи. В целом же мне настолько не до еды или чувствительности собственного желудка, что не удивляет даже тот факт, что все напитки на этой вечеринке, похоже, безалкогольные.

Стоящий рядом со мной мужчина, видимо, думает точно так же: лицо у него кислое, как спрайт в стакане. Он поворачивается, и я чувствую, как меня разглядывают, пытаются понять, что я здесь забыла — состав присутствующих настолько однороден, и я выделяюсь как бельмо на глазу. Обычно мне плевать, если на меня так пялятся, но сейчас я совершенно трезва, а платье мешает мне дышать.

— Откуда ты знаешь хозяев дома? — спрашивает он. В этот момент я замечаю кое-что на другом конце комнаты. Чернокожая девочка в розовом парике и топике делает вид, что курит конфету в виде сигареты.

— Кто это?

— Я тебя раньше никогда не видел.

— Что? — переспрашиваю я, оглядывая его одеревеневшее тело в поисках какой-нибудь подсказки, и когда вновь поворачиваю голову, девушки уже нет.

— Ты же не училась в Йеле, да? — уточняет он, и от моего внимания не ускользает формулировка этого вопроса. Не знаю, почему я всегда чувствую необходимость произвести впечатление даже на тех мужчин, с которыми не собираюсь спать, но мне бы не хотелось выслушивать слова сочувствия от этого человека, которого я не знаю и, вероятно, никогда больше не увижу. Так что я не говорю, что бросила школу искусств, предварительно отправив заведующему кафедрой несколько бессвязных стихотворений, набранных шрифтом Comic Sans. Я не говорю, что поступила в совершенной непримечательный государственный колледж, выбросила бóльшую часть своих картин и выпустилась, получив, возможно, еще более бесполезное образование.

— Я работаю с Ребеккой, — отвечаю я, и из всех возможных вариантов лжи это тот, поддержать веру в который я могу меньше всего. Мне кажется, что я замечаю в комнате Эрика, но это всего лишь лампа.

— Значит, воскрешаешь мертвых.

— Что?

— Ну, кто-то же должен делать грязную работу, верно?

— Ага.

— Не могу поверить, что они продержались четырнадцать лет.

— Кто?

— Ребекка и Эрик.

— Он указывает на что-то над моей головой, и, повернув голову, я натыкаюсь на оставшийся незамеченным баннер с надписью «Кружевная свадьба».

— Немного странно праздновать годовщину свадьбы. Хотя, наверное, это своего рода подвиг. Ты когда-нибудь обращала внимание на то, как они смотрятся вместе? Как будто животные разных видов, — продолжает он, и мы обмениваемся взглядами, пока до меня не доходит настоящий смысл разговора. Это тот тип беседы, который всегда зарождается на

почве чужой удачи — шепотки недоверия, зависти. Поняв это, я расслабляюсь, улыбаюсь своему собеседнику и смешиваюсь с толпой.

СЬЮЗИ ЯН

БЕСТСЕЛЕР NEW YORK TIMES

ЗАГАДОЧНАЯ ЖИЗНЬ МИСС АЙВИ

Сьюзи Ян

«Загадочная жизнь мисс Айви»

Шэнь высадил Айви у дома Уны Ким, но как только машина исчезла на горизонте, она тут же отправилась к широкой тупиковой улице, где располагался роскошный особняк Спейеров, весь из стекла и камня. Все дорогу ее сопровождал звон цикад.

Дверь открыл сам Гидеон: бордовая футболка подчеркивает проявившиеся за месяц бицепсы, вместо прежней стрижки ёжиком — модная причёска с рваной чёлкой. В животе у Айви запорхали бабочки.

— С днем рождения! — тихо выдохнула она.

— Ты изменилась.

— В какую сторону? *(Да! Да! Да!)*

— Я просто никогда не видел тебя вне школы,

— Гидеон улыбнулся. Один зуб у него слегка выпирал, поэтому улыбка казалась немного ехидной, хотя на деле он был очень приятным

мальчиком. Протянутый Айви подарок он принял с заметным смущением. — Ты могла прийти просто так.

Айви густо, словно сыпью, залилась краской.

Гидеон сказал, что все собрались на цокольном этаже, и пригласил девочку внутрь. Он даже предложил взять ее рюкзак — *такие манеры*, и это в четырнадцать лет! Айви сняла туфли, но он все тем же смущенным тоном попросил: «Не разувайся». Она последовала за ним по коридору, освещенному светильниками в форме факелов. Под ногами похрустывал жесткий леопардовый ковер.

— А там что? — поинтересовалась Айви, ткнув пальцем в сторону одной из дверей. Она пыталась запомнить как можно больше деталей, чтобы позже, у себя в спальне, раз за разом снова прокручивать в голове полученные впечатления.

— Комната для занятий.

Заметив жгучее любопытство во взгляде Айви, он показал ей и комнату для занятий, и

кухню, и две гостиные, в одной из которых висели тяжелые дедушкины часы, похожие на следящий за каждым их движением стеклянный глаз.

Жилище в Фокс Хилл Айви считала всего лишь местом для ночлега, которое не принадлежало ни ей самой, ни ее семье. Но Гидеон про свой дом явно думал иначе. Все комнаты, мебель, разные безделушки, купленные на летних или зимних каникулах, — все это было «моим» или «нашим». Он владел абсолютно всем. Это ясно слышалось в его голосе, размеренном темпе речи и четкой дикции. Когда на уроках литературы нужно было рассказывать стихи наизусть, мистер Маркл, совмещавший обязанности преподавателя и главы клуба красноречия, рассыпался в похвалах насчет ораторских способностей Гидеона. Как-то тот поведал всему классу о своем секрете: раньше он страдал от заикания и целых десять лет ходил к логопеду. На это мистер Маркл заметил: «А что, лишним не бывает!» — и пока все смеялись, Айви вдруг осознала, что она потрясена до

глубины души. Было трудно поверить, что Гидеону потребовалось затратить столько усилий на что-то такое простое, как речь. Примерно так же билась Нань, стараясь выучить английский по своему синему карманному словарiku. Раньше Айви казалось, что Гидеону все дано от рождения. Интересно, а можно ли подобным образом освоить искусство владеть?

В фойе они встретили старшую сестру Гидеона, Сильвию, которая училась в выпускном классе. Она поднималась вверх по лестнице, держа в руках поднос с пинтой мороженого, стаканом кофе из «Старбакса» и стопкой непонятной желтоватой жидкости, в которой плавали кусочки льда.

— Где ты нашла ключ от шкафчика?

— У Теда на подставке для ручек. Угостить?

— Нет, спасибо.

Сильвия встретила глазами с Айви. Та немедленно отвернулась и сделала вид, будто внимательно рассматривает фотографию, на

которой брат с сестрой уютно свернулись на шезлонгах и смеялись, глядя на заходящее солнце.

— «Дуб Финна», — сказала Сильвия, увидев, куда смотрит девочка.

— Что это?

— Наш летний домик в Каттахассете.

Летний домик, мысленно пометила про себя Айви.

— Не бывала там?

— Нет, — ответила Айви, боясь поднять глаза на Сильвию: уж слишком та была красива.

— Гидди обычно зовет туда своих друзей.

Полунамек на то, что пригласить могут и ее, был брошен так небрежно, что у Айви сильнее забилося сердце и закружилась голова.

— Меня зовут Айви, — прошептала она.

— Какое оригинальное имя.

— Отец знает, что ты знаешь про подставку. Не забудь положить ключ на место, — предупредил Гидеон. Сильвия закатила глаза:

— Да ладно тебе. У него самолет в шесть утра. Он даже не заметит.

Она бесшумно поплыла вверх по лестнице. Из-за черной выглаженной юбки она походила на служанку, разносящую напитки, но за ней длинным шлейфом тянулся приятный кисловатый аромат, напоминающий запах океана и лимонных деревьев.

Карен М. Макманус

~~Вам известно,~~

КУЗЕНЬ

~~что вы сделали~~

Смерть в наследство...

Карен М. Макманус

«Кузены»

В просторном холле нас встречает улыбающийся портье и показывает, как пройти к кабинету Эдварда Франклина. Миновав лифты, мы сворачиваем в узкий коридор с мягким, заглушающим шаги ковролином на полу. Я разглядываю фотографии в рамках на стенах, надеясь заметить бабушку или, может быть, даже маму среди улыбающихся лиц посетителей, и чуть не врезаюсь в Обри, когда та вдруг останавливается у двери.

— Есть кто-нибудь? — окликает она, постучав. — Здесь инструктаж временных работников?

— Да, да, — отвечает изнутри энергичный голос.

— Входите.

Мы перешагиваем порог маленького кабинета, большую часть которого занимает огромный стол орехового дерева

с разбросанными там и сям стопками папок. Из-за стола нам улыбается человек с зачесанными набок очень светлыми, как у Драко Малфоя, волосами, в хрустящей белой рубашке и галстукe с ярко-голубыми рыбками.

— Здравствуйте, и прошу прощения за беспорядок. У нас сейчас легкая неразбериха.

— Вы, наверное, Эдвард? — говорю я.

Предположение вполне логичное, учитывая, что он сидит в его кабинете. Однако дружелюбный «Драко» качает головой:

— Нет. Я Карсон Файн, отвечаю здесь за прием гостей. И исполняю обязанности Эдварда, пока мы не найдем ему замену.

— Замену? — сдвигаю я брови. — Так его здесь нет?

— Уволился два дня назад, — поясняет Карсон. — Несколько неожиданно, но не беспокойтесь — наем помощников на лето

продолжится и без него. Пожалуйста, назовите мне ваши имена.

— Милли Стори-Такахаси, Обри Стори и Джона Стори, — произношу я.

Пальцы Карсона замирают над клавиатурой.

— Серьезно? Ребята, а вы в курсе, что у вас одна фамилия с владелицей курорта? Надо же, какое совпадение! Кажется, у нас до сих пор не было ни одного Стори, а тут сразу трое! — Вокруг его голубых глаз собираются лукавые морщинки. — Жаль, что вы с ней не родственники, а?

Джона откашливается, мы с Обри обмениваемся недоумевающими взглядами. Как можно не знать, кто мы? Разве о нашем приезде не должно было стать известно, и не только среди тех, кто занимается наймом помощников на лето?

— Но мы действительно родственники, — говорю я. — Мы ее внуки.

— Да, было бы здорово, правда? — усмехается Карсон, но, когда никто из нас не

поддерживает его веселья, улыбка исчезает. — Подождите, вы что, серьезно?

— Эдвард вам не говорил? Мы переписывались с ним еще с апреля. — В порыве доказать свои слова я вытаскиваю из сумки папку с распечатками. — Вот, если хотите убедиться, здесь все есть.

Карсон берет ее, но тут же возвращает мне, едва взглянув.

— Он мне ни слова не сказал! Ну, Эдвард! Поверить не могу, как можно быть таким безответственным! Если бы он не ушел сам, я бы его уволил! Сейчас посмотрю, не оставил ли он каких-то записей.

Карсон яростно бьет по клавишам. Мы ждем в неловком молчании. Наконец его лицо проясняется.

— Ладно, я ничего тут не нахожу, но, к счастью, ваша бабушка как раз здесь, на месте. Мы только что закончили ремонтировать бальный зал, и она его осматривает. Если подождете буквально несколько минут, я приведу ее сюда.

Глаза Обри расширяются в тревоге:

— Что, прямо сейчас?

Карсон вскакивает на ноги с решимостью человека, стремящегося исправить свой промах.

— Именно сейчас! Я скоро!

Он пулей выскакивает в коридор, оставив нас неловко стоять у стола. Я вытираю вдруг вспотевшие ладони о подол. Мне казалось, что я готова к встрече с бабушкой, но сейчас, когда это вот-вот произойдет, оказывается, что нет. Голова совершенно пустая. В комнате царит абсолютная тишина, только откуда-то — наверное, из динамиков в холле — едва слышно доносится фоновая музыка. Качество звучания оставляет желать лучшего, но через несколько секунд я различаю знакомый мотив и едва не смеюсь от радости. Это «Африка» группы «Тото», у мамы в детстве она была любимой песней. На единственном семейном видео, которое я пересматривала несчетное

количество раз, четверо младших Стори вместе распевают ее на пляже.

Музыка странным образом как нельзя лучше оттеняет приближающиеся шаги и напористый голос Карсона:

— Как удачно, что я успел до вашего отъезда, миссис Стори!

Обри рядом со мной громко сглатывает. И вот бабушка стоит перед нами. Впервые в жизни я вижу ее наяву — таинственную, неуловимую, эксцентричную Милдред Стори.

Я скольжу по ней взглядом, выхватывая одну деталь за другой. Первыми бросаются в глаза драгоценности, их нельзя не заметить — двойная нитка глянцево-переливчатого серого жемчуга, ярко выделяющегося на строгом черном костюме, и такие же подвески-сережки. Туфли на каблуках впечатляющей для женщины за семьдесят высоты. Завершает наряд маленькая шляпка с вуалью. Общий вид такой, будто бабуля собралась на похороны какого-нибудь престарелого

государственного деятеля. На черной сумочке лакированной крокодиловой кожи поблескивает золотой замочек. Я повидала в Нью-Йорке подделок, чтобы сразу распознать настоящий «Биркин» за двадцать тысяч долларов.

Знаменитые высокие скулы Милдред с возрастом утратили рельефность, но накрашена она все так же безупречно, как на всех виденных мною фото. Однако самое примечательное в ней — это волосы, собранные сзади в низкий пучок, такие снежно-белые, что даже не верится в естественность их цвета.

Ее блестящие глаза перебегают с Обри на Джону, которые совершенно не похожи на своих отцов, и останавливаются на мне, и я замечаю в них искорку узнавания.

— Значит, это правда, — произносит бабушка негромким хриловатым голосом.
— Вы и в самом деле здесь.

Я с трудом перебарываю иррациональный порыв сделать книксен.

— Спасибо, что пригласили нас...

Та с резким выдохом сдвигает брови.

— Пригласила? — повторяет она.

Мы недоуменно смотрим друг на друга, пока молчание не прерывает нервное покашливание Карсона. Лицо бабушки вновь превращается в гладкую, без малейшего выражения маску.

— Да, действительно. — Милдред перекладывает сумочку из одной руки в другую.

— Вы, должно быть, устали с дороги. Карсон, отведите их в комнаты для персонала, пожалуйста. Я поручу своей помощнице подобрать более удобное время для нашей беседы.

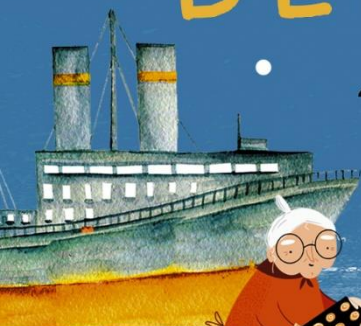
Карсон, маячащий сзади, выглядит совершенно растерянным.

— Да, конечно. Простите, мне нужно было самому догадаться...

— Ничего страшного, — холодно откликается Милдред. — Все в полном порядке.

Однако я знаю, что это не так. До того, как к ней вернулось самообладание, из путаницы моих мыслей выделилась одна — кристально ясная и прозрачная: бабушка не имела ни малейшего представления, что мы должны приехать

КАК
ПИНГВИНЫ
СПАСЛИ
ВЕРОНИКУ

ХЕЙЗЕЛ
ПРАЙОР

Хейзел Прайор

«Как пингвины спасли Веронику»

Полевая база острова Медальон расположена недалеко от берега. С помощью ворчуна-иностранца, Терри и Дитриха, которые захватили с собой сани, мы с легкостью доставляем туда мой багаж.

Терри указывает на некое подобие хижины из бетонных блоков. Она расположена на каменистой равнине, покрытой льдом. Не произведение искусства, конечно.

— Вот мы и дома! — объявляет она.

В верхней части заснеженного берега, позади хижины, виднеется несколько старинных металлических ветряных мельниц, медленно вращающихся на фоне испещренного облаками неба. Сооружать нечто подобное здесь кажется кощунством, и меня абсолютно не впечатляют эти

искусственные уродцы на фоне девственной природы. Но, полагаю, без этого никак.

— У нас есть солнечные батареи, но мельницы тоже вносят свой вклад, — объясняет Дитрих. — Вместе они вырабатывают достаточно энергии для электрических приспособлений у нас на базе.

— Но где же пингины? — спрашиваю я. Думала, они будут тут на каждом шагу.

— Не здесь, но они недалеко. Видите большой заснеженный склон? За ним располагается их колония. Мы сходим к ним, когда вы передохнете.

Терри толкает входную дверь и ведет меня внутрь. Мы снимаем верхнюю одежду, и мои чемоданы складывают в большой центральной комнате. Мой помощник что-то шепчет на ухо Дитриху, затем пятится к выходу и исчезает за дверью.

Терри предлагает кофе, но я отказываюсь. Незадолго до высадки с корабля я успела выпить чаю с круассанами.

Вместо этого я начинаю осматривать свое жилище.

У одной из стен стоят газовый обогреватель, несколько стульев и большой стол. Тут царит бардак, но это не обычный домашний беспорядок. Многие вещи висят на гвоздях: сковородки, ложки, пластиковые бирки, сетки, всякие странные штуки и предметы с крючками. Не знаю, для чего они, но думаю, что это связано с пингвинами. С потолка свисает моток электрических проводов, их вид меня тревожит. Полки заставлены мутными банками и выцветшими пакетами, а также разным органическим мусором — лишаем, кусочками костей и яичными скорлупками, перьями и скелетами рыб. С радостью замечаю несколько книг.

— Никогда не получается привезти сюда столько книг, сколько хочется, но кое-что нам удалось собрать за все эти годы, — объясняет Дитрих.

— Не то чтобы у нас было много времени на чтение, — вздыхает Терри. — Теперь,

Вероника, я думаю, вы захотите немного отдохнуть.

Ненавижу, когда люди приравнивают старость к немощности. Большую часть последних трех дней я провела запертой без движения в самолетах, а потом на пароме. Кроме того, я на ногах всего два часа, а они уже ждут, что я снова хочу полежать.

В угоду им я сижу на жестком стуле целых пятнадцать минут, а затем встаю и прохаживаюсь по комнате, чтобы продемонстрировать, сколько во мне энергии.

На стенах несколько рисунков, сделанных пером и чернилами, ни один из них я бы не назвала удачным.

— Их нарисовал Дитрих! Чудесные, правда?

Не могу разделить энтузиазма Терри. На рисунках изображены антропоморфные пингины. Вот хор пингинов что-то поет, вот одинокий пингвин сидит на айсберге в плоской кепке и болтает удочкой, вот группа детей-пингинов качается на качелях. все они без

исключения выглядят нелепо. Дитрих откашливается, как бы извиняясь:

— Это мое скромное хобби. Я рисую их для своих детей, когда выдается свободная минутка. И отправляю по электронной почте, чтобы развлечь их и жену. Терри настояла, чтобы я повесил оригиналы сюда.

Терри улыбается.

— С ними как-то уютнее.

— Это место было специально построено всего семь лет назад, — рассказывает Дитрих. — База расположена в самой удобной для наблюдения за пингвинами точке. Они проходят здесь по пути от моря к гнездовой колонии, или лежбищу, как мы его называем.

— Лежбищу?

Очень спорное название для места гнездования пингвинов, на мой вкус. Лежбище — это для тюленей.

Дитрих с энтузиазмом рассказывает мне о проекте.

— Наш центр довольно большой, вы сами увидите. Его построили с расчетом на пятерых ученых, проживавших бы здесь в течение всего года, и в первый год так и было. Видите, у нас есть кровати здесь, здесь и здесь.

Он быстро показывает комнаты, и мне не удастся понять, какая из них станет моей спальней.

— Но теперь нас осталось трое, — продолжает ученый. — И мы здесь исключительно потому, что согласились работать за неприлично низкую плату. Майк — Еще один ученый. Он сейчас с пингвинами, присоединится к нам позже.

— Значит, вы вдвоем пытаетесь понять, почему падает численность пингвинов?

— Да. Мы хотели попробовать провести тут еще один год. У нас есть небольшая лаборатория, где можно проводить тесты на образцах. в основном это задача Майка. Также здесь есть компьютерная комната. Она нужна для сбора данных, которые потом мы отправляем в

Великобританию. Есть нестабильная интернет-связь. Но все лучше, чем никакой.

— Но только один рабочий компьютер, — добавляет Терри.

— Второй сломался пару недель назад. Так что сюда всегда очередь, — улыбается Дитрих. — Мы стараемся не драться за компьютер.

Мне не нравится, когда шутят про драки. в них нет ничего смешного.

Я хмуро смотрю на него.

— Не будете ли вы так любезны показать мне, в какой комнате я могу остановиться?

Я замечаю, как они хитро переглядывается.

— Давай сначала покажем веронике удобства, — говорит Терри, мягко направляя меня к самой маленькой комнате, которую я когда-либо видела.

— У нас есть роскошный туалет, но, боюсь, нет ни ванны, ни душа. С горячей водой у нас тоже не очень.

Раковина довольна большая. унитаз представляет собой несколько ведер и сиденье из пенопласта, подвешенное так, чтобы под ним поместилось одно из них.

Терри и Дитрих снова украдкой переглядываются. видимо, туалет был их козырем.

— Великолепно! — объявляю я, стукнув палкой по полу.

Признаюсь, возраст подарил мне кое-какие ограничения, но они, конечно же, отнюдь не являются непреодолимыми. Потребуется что-то более весомое, чем такая уборная, чтобы оттолкнуть меня.

— Отличный туалет. скажите, пожалуйста, где моя спальня?

— Мне очень жаль, миссис Маккриди, — виновато отвечает Дитрих. — Мы были очень заняты и не успели ее подготовить.

— В таком случае я хотела бы поскорее посмотреть на пингвинов.

Оказалось, что Дитриху надо было проследить за разгрузкой запасов продовольствия с того же корабля, что доставил меня сюда (он проходит мимо острова Медальон каждые три недели по пути к более популярным туристическим местам, позволяя ученым пополнять свои запасы). Поэтому в роли моего проводника выступает Терри.

— Вы тепло одеты? — спрашивает она. — Надеюсь, на вас плотное белье. Обморожение — это просто ужасно.

Я выразительно смотрю на девушку. Ненавижу, когда меня принимают за идиотку. Под шерстяным джемпером и флисовыми брюками на мне надето три слоя термобелья, которые купила Эйлин. А пуховик стоил мне триста двадцать пять фунтов. Я так упакована, что с трудом могу пошевелиться.

Мы выходим на улицу. Солнце как раз выглянуло из-за облаков, и нас ослепила яркая вспышка света. Я осторожно ступаю в своих унтах, упираясь тростью в снег. Терри думает,

что моя медлительность связана с плохой физической формой, и пытается взять меня под руку. Я отталкиваю ее. Она сама несет кучу тяжелого снаряжения так, будто рюкзак ничего не весит. Девушка даже не осознает, как здорово быть молодой и сильной. Но в ее возрасте я и сама была не промах.

Снег так сверкает, что мне сложно смотреть на него, даже через солнечные очки с антибликовым покрытием.

Мы с трудом поднимаемся по склону. Он не особо крутой, и идти не так далеко, но я никуда не тороплюсь. То и дело останавливаюсь, чтобы насладиться пейзажем. Справа от меня возвышается гряда фарфорово-синих гор. Я отмечаю дихотомию их форм — гладкие как стекло в одних местах, рельефные в других. Переливающиеся на солнце потоки талой воды сбегает вниз по скалам. Нижние склоны очень живописны — окрашены лишайниками лимонно-зеленого, желтого, розового и ярко-оранжевого цветов.

Когда мы достигаем вершины, Терри привлекает мое внимание.

— Сначала взгляните сюда, — говорит она. — Вы поймете, почему этот остров называется Медальон.

Вдалеке виднеется узкая полоска земли, которая окружает полукруглое озеро. За ним — море. Эта овальная форма и вода в центре — должно быть на карте этот остров и напоминает по форме медальон.

— А теперь посмотрите сюда.

На плоской косе под нами я вижу темные тени на светлом фоне. Это огромная стая маленьких, переваливающихся с ноги на ногу тел. Когда мы подходим ближе, я чувствую распирающее грудь волнение. И с удивлением замечаю, что невольно ускоряю шаг.

— А что это такое розовое? — спрашиваю я у Терри.

— Боюсь вас разочаровать, но это пингвины какашки. Их еще называют гуано.

— О!

Видимо, они живут в болоте из собственных экскрементов. Это омерзительно.

— Вы ведь не ожидали, что они будут чистенькими и игрушечными, как на рождественских открытках?

В каком-то смысле именно этого я и ожидала. Но разочарование быстро сменяется восторгом. Это не просто красивые картинки, это настоящие живые существа, объемные и до неприличия реалистичные. Вот они, смелые и яркие, живут в своем большом шумном сообществе. Грязном, громком, безрассудном, пышущем жизнью и энергией. Я чувствую себя безмерно везучей из-за того, что нахожусь здесь и имею возможность увидеть их на лоне дикой природы, в их черно-белом, пусть и слегка комичном великолепии. Несмотря на то, что повсюду гуано, это действительно невероятное зрелище. Их хриплые крики оглушают. К тому же у меня что-то с глазами. Их сильно жжет, они

начинают слезиться. Должно быть, от холода. Я пытаюсь сморгнуть влагу.

Пингвины повсюду. Кто-то красуется перед противоположным полом, кто-то спит на животе, кто-то как будто сплетничает. Другие просто философски смотрят в даль. Вместе и по-отдельности — они живут свою жизнь. И кажется, их совсем не смущает наше присутствие.

В последние годы мое обоняние значительно ухудшилось, но запах рыбы здесь очень сильный. Какой-то затхлый, землистый запах.

Терри снимает маленький фотоаппарат с плеча.

— Всегда делаю парочку снимков, — говорит она. — Никогда не знаешь, когда удастся поймать идеальный кадр.

Она присаживается на корточки у края колонии. Некоторые пингвины поворачивают головы и смотрят на нее.

— Они не боятся людей, — объясняет исследовательница. — Нам это только на руку.

— Великолепно! — восхищаюсь я, подходя к небольшой кучке пингвинов, которые чем-то напоминают стайку подростков на перекуре. Мне хочется изучить каждую гримасу, понять их характер, понять, в чем смысл их существования. Меня охватывает желание быть ближе к ним.

Одному из них, кажется, тоже интересно изучить меня, и он слегка склоняет голову будто бы в знак приветствия. Так мы рассматриваем друг друга какое-то время, а затем пингвин возвращается к беседе с товарищами. Терри фотографирует, пока я хожу рядом с колонией, любуясь каждым пингвином. Я совсем не чувствую холода. внезапно Терри направляет камеру на меня.

— Не надо! — кричу я, поднимая руки вверх, чтобы закрыть лицо, но опаздываю на пару секунд.

— Извините, — тут же выпаливает Терри. — Просто был такой кадр. Ваше лицо, ваше

выражение лица. Вы выглядели совершенно замороженной. Счастливой. Будто другой человек.

Это, честно говоря, вряд ли можно назвать комплиментом. Но в Терри есть нечто такое, из-за чего на нее трудно обижаться.

— Не переживайте, — заверяет она. — Я не буду использовать это в блоге.

— О да. Помню, Эйлин что-то упоминала о блоге.

— У него не так много подписчиков, но их количество растет благодаря программе Роберта Сэдлбоу. Я загружаю туда фотографии и рассказываю всему миру, чем мы тут занимаемся.

Она пару секунд возится с камерой, а затем протягивает ее мне, показывая снимок.

Я выгляжу как старушка в снегу.

— Чудесный кадр, не так ли?

— Ничего подобного. — Как мне кажется.

— Ух ты, было бы здорово разместить его в блоге, — продолжает Терри, снова рассматривая фотографию. — Это так необычно. если вы будете здесь, с нами, это привлечет массу внимания. — Терри бросает взгляд на часы. — О боже! нам нужно бежать. Корабль отправляется через сорок минут! Остальные с ума сойдут, если я не доставлю вас вовремя.

AMAZON
CHARTS
BESTSELLER

ПОСЛЕДНИЙ СЕКРЕТ

ГОЛОВОЛОМКА

А.Р. ТОРРЕ

А.Р. Торре
«Последний секрет»

Интересно наблюдать за динамикой чужих отношений. Уильям и я вместе противостояли всему. Его конкурентам. Осуждениям нашего бездетного статуса. Нашим семьям. Мы были связаны.

Нина и Мэтт, напротив, были разрознены. Во время того их визита, когда отключился свет, я этого не заметила, но правда проявилась на нашем первом совместном ужине.

— Не ешь это, — предупредила она Мэтта, стукнув его по руке кончиком своей вилки. — Это мясо не травяного откорма.

Он неохотно отложил шпажку со стейком Вагю, а жаль, ведь это было одно из лучших блюд в меню «Протеже».

Я удивленно вскинула бровь, взглянув на Уильяма:

— А это так важно, чтобы мясо было травяного откорма?

— Да, если не хочешь заболеть раком, — огрызнулась она, громковато для уютного ресторана.

Я взглянула на ближайший стол и с облегчением убедилась, что пара за ним не отреагировала. Подавшись вперед, я утащила покинутое мясо, которое было вкуснейшим, несмотря на диету его источника. Она прищурилась.

— Мы строго придерживаемся кето, — объявила она.

Хоть я была недостаточно осведомлена об этой диете, я бы удивилась, если бы в нее входило вино, которым она упивалась.

— Мэтт сбросил четырнадцать фунтов.

— Вау. — Я кивнула, как будто четырнадцать фунтов могли существенно изменить массивную фигуру ее мужа. — Мэтт, это же отлично.

Он осторожно кивнул, а она смерила меня недовольным взглядом, и я подавила улыбку от того, какое количество вещей выводило Нину из себя. Во-первых, упущение титула доктора перед ее именем. Мы познакомили их с менеджером клуба, а также несколькими нашими друзьями, и оба раза она вставляла это обращение, когда я заканчивала представление. Также ей, по всей видимости, крайне не нравилось все вкусное. И она была настолько неуверена в себе, что до невыносимости собственнически вела себя со своим мужем и слишком дружелюбно — с моим.

Мэтт, напротив, был чудесным. Снисходительным к ее язвительным замечаниям. Смешным и очаровательным, с каталогом историй, которые смешили нас весь ужин. Он был, очевидно, по уши влюблен в Нину, несмотря на ее невротическое поведение, отчего он нравился мне еще больше. Он и Уильям мгновенно нашли общий язык, обсуждая политику и спорт, зачастую оставляли нас с Ниной разговаривать вдвоем.

Теперь она наклонилась вперед и легонько прикоснулась к моей руке.

— Пара, с которой вы нас познакомили? Уитлоки? Ты говорила, вы с ними в одном совете?

— Благотворительный винный аукцион, — кивнула я. — Это ежегодное мероприятие, собирающее деньги для местных и национальных благотворительных фондов. Это самый большой сбор средств в округе штата. В прошлом году мы собрали более десяти миллионов долларов.

— Я бы хотела в этом поучаствовать, — заверила она и пододвинула стул ближе ко мне.

— Мы всегда ищем волонтеров, — просияла я. — Я могу добавить тебя в список.

— Да, конечно, конечно. — Она отмела упоминание взмахом тонкого запястья. — Но я скорее имела в виду совет. Помочь с организацией мероприятия.

Я с трудом сдержала смех. Она хотела быть в совете благотворительного винного аукциона? Это было самое престижное событие города. Я потратила последние десять лет, культивируя отношения и взбираясь по сложному лабиринту социальных лестниц, чтобы возглавить этот совет. Я подняла свой бокал вина и сделала паузу, прежде чем ответить.

— Заявки на членство в совете принимаются в июле, — пожала плечами я. — Я обязательно тебе сообщу, когда откроется набор, и дам тебе рекомендацию.

— Было бы отлично. — Она улыбнулась, и кожа у ее уха неестественно натянулась, выдавая подтяжку лица, да еще и плохую. Во время ужина я тщательно подмечала ее операции. Подтяжка шеи, однозначно. Коррекция глаз, по моим догадкам. Пластика груди — несомненно. Ее тонкие губы станут следующими на столе хирурга, я могла бы поспорить. И это было грустно. Под всем этим,

она, вероятно, обладала естественной красотой.

Под столом Уильям положил руку мне на колено и нежно сжал его. Я накрыла его ладонь своей и посмотрела ему в глаза. Он улыбнулся, и я знала, о чем он думал. Он хотел остаться наедине. Наше прошлое свидание здесь затянулось почти до полуночи, пока мы неспешно дегустировали меню, расправляясь с двумя бутылками вина за ужином из пяти блюд. Он наклонился вперед, и наши губы встретились над кнафе с лангустином.

— Выглядишь так, что хочется тебя съесть, — прошептал он мне на ухо.

Я поцеловала его в щеку и выпрямилась, без удивления обнаружив, что Нина наблюдала за нами, переводя взгляд с меня на Уильяма, как будто опасалась, что мы разговаривали о ней. Я повернулась к Мэтту.

— Как дом? Не было непредвиденных проблем?

— Никаких проблем, — быстро ответила Нина. — Он прекрасен. На самом деле, там нужно сделать совсем немного.

— Он никак не сравнится с вашим домом, — начал Мэтт.

— Но он отличный. — Улыбка Нины стала натянутой. — Мэтт, доедай свою угольную рыбу.

— Он всегда нам очень нравился, — сказала я. — Такой уединенный. И район очень безопасный.

— Честно вам скажу, — начал говорить Мэтт и вытер губы, не замечая посылаемых ему уничтожающих взглядов жены, — я ожидал, что он будет разгромлен, раз так долго пустовал. Обычно разворачивают технику, светильники, даже проводку вытаскивают.

— Это не Бэйвью, — резко вставила Нина. — Это Атертон. Такого здесь не случается.

— Это правда, — согласился Уильям и откинулся на стуле, когда на фоне нежно заиграла арфа. — Кроме того, все такие

любопытные. Здесь сотня домохозяек, шпионящих друг за другом через инкрустированные брильянтами бинокли. Прибавьте сюда частную полицию, камеры видеонаблюдения и охраняемые ворота, и никто даже не пытается ничего сделать. Этот дом мог бы стоять с широко распахнутыми дверьми последние пять лет, и никто бы оттуда ничего не взял.

Я согласно кивнула, думая о сладкой иронии, что теннисный браслет на моем запястье достался мне из личной коллекции Клаудии Бэйкер.

— Правда. Честно, мы большую часть времени даже не запираем двери, — признала я и отрезала кусочек пулярки. — Днем в этом нет смысла, особенно на заднем входе. Я люблю, когда дома свежий воздух, тем более когда цветут сады.

— Тебе стоило бы запирать двери, — нахмурился Уильям.

— Ты сконцентрируйся на «УТ», а приглядывать за домом оставь мне, — пожала плечами я.

Он посмеялся, а я, подцепив кусок Вагю, протянула ему и довольно улыбнулась, когда он съел его с моей вилки.

— Я всегда запираю дом, — твердо сказала Нина. — Говорят, кто угодно может украсть, если дать им возможность и избавить от последствий.

— Согласен, — кивнул Уильям, и от меня не укрылось, как Нина гордо выпрямилась от его поддержки. — Это как оставить ключи от Lamborghini без присмотра. В какой-то момент, даже если ее не украдут, кто-то одолжит ее на тест-драйв.

— Именно. — Она взяла свой почти пустой бокал вина, и мне стало интересно, поменяли ли они замки, когда въехали. Если да, заморочились ли они с каждой дверью? Я подумала о своей связке ключей, дубликаты тех, которые я вернула в ящик Клаудии Бэйкер.

— Нина, как тебе «Уинторп Тэк»? — улыбнулась я ей. — К тебе все хорошо относятся?

Мне показалось, что ее плечи напряглись от вопроса.

— Все хорошо. — Она отставила бокал и сфокусировалась на своей тарелке, со скрипом ножа о фарфор разрезая свой кусок баранины. — Коллектив очень отзывчивый.

Как и ожидалось, Уильям немедленно переключился в рабочий режим:

— Есть прогресс с Мэрилин?

— Немного. — Она проткнула кусок мяса. — Я снова встречаюсь с ней завтра.

— Мэрилин Стаубах? — спросила я, не понимая, с чем может понадобится помощь талантливому хирургу. — Какой прогресс может ей требоваться?

— Я тебе потом расскажу, — улыбнулся Уильям, но его голос оставался напряженным и раздраженным. — У Нины еще неделя

на работу с ней. — Он оглянулся через плечо, привлекая внимание официанта, и жестом попросил чек.

Я поднесла бокал к губам, подмечая напряжение на лице Нины. Еще неделя. Я знала каждый тон в арсенале своего мужа, и это прозвучало как ультиматум.

СТЕНА ТИШИНЫ

ГОЛОВОЛОМКА

ТРЕЙСИ БЬЮКАНАН

Трейси Бьюканан

«Стена тишины»

Первой мыслью Мелиссы было то, что Патрик спит. Таким она видела его, проснувшись однажды ночью. Он лежал в темноте, окутанный нежным лунным светом, закрыв глаза и прижавшись щекой к подушке, и тихо похрапывал.

Но сейчас он не издавал ни звука и не шевелился. Его кожа, всегда такая блестящая и загорелая, сейчас была до жути белой... почти голубой!

Все ее чувства разом обострились.

— Что, черт возьми, здесь случилось? — закричала Мелисса. — Он упал? Вы вызвали скорую? Пожалуйста, скажите, что вы вызвали скорую!

— Нет, — ответил Льюис дрожащим голосом, прижав к себе младшую сестренку Грейс.

— Мы... мы гуляли с Сэнди, а потом вернулись и нашли его уже так. Мелисса вновь обвела взглядом красные брызги по всей кухне, отпечатки на мебели, лужицы возле головы Патрика. Только сев на корточки, она увидела у него на виске глубокую рану, из которой хлестала кровь. Его темно-русые волосы были мокрыми от крови.

Это не соус чили, это кровь.

— Патрик, Патрик, очнись, Патрик! — кричала она, тряся мужа. Но он не шевелился, и его глаза оставались закрытыми. Мелисса прижала ладонь к его груди и с облегчением почувствовала, как она вздымается и опадает.

А дети так и стояли, не двигаясь, и широко распахнутыми глазами смотрели на неподвижное тело отца. Сэнди подбежал к Патрику, лег рядом, измазав лапы в крови хозяина.

— Из вас никто не ранен? — спросила Мелисса детей.

Грейс покачала головой, не в силах произнести ни слова. Ее большие овальные глаза расширились до предела. Льюис чуть заметно покачивался взад-вперед, а Лилли не сводила глаз с пятен крови, забрызгавших ее аккуратный педикюр.

— Телефон, быстро!

Мелисса хлопнула в ладоши, как она это делала обычно по утрам, когда побуждала детей встать побыстрее. Льюис моргнул и, шатаясь, побрел за телефоном.

— Патрик, Патрик! — кричала Мелисса мужу.

Она потянулась, схватила полотенце, свисавшее с ручки дверцы духовки, и зажала рану на голове Патрика, поразившись, как быстро ткань окрасилась алым. У Лилли вырвался всхлип.

«Бедные дети», — подумала Мелисса, сжимая руку старшей дочери.

— Можешь отвести Грейс в комнату, Лилз? Ей слишком рано на это смотреть...

Честно говоря, Грейс была не такой впечатлительной, как Лилли. Даже в десять лет она обладала выдержкой, которой ее старшей сестре явно не хватало. Так что все это делалось скорее для того, чтобы оградить от ужаса происходящего именно Лилли. Хотя она держалась молодцом, Мелисса знала, что это ненадолго.

— Льюис, солнышко, дай мне телефон, — крикнула она.

Схватив сестренку за руку, Лилли попыталась ее увести, но Грейс застыла, неотрывно глядя на отца. Льюис аккуратно обошел тело отца, вздрогнул, едва не наступив ногой в лужу крови, и дрожащей рукой протянул телефон Мелиссе.

— Все будет хорошо, Льюис, — сказала она, глядя сыну в глаза и стараясь внушить ему уверенность, которой не чувствовала и сама. — С папой все будет хорошо, ты меня слышишь?

Он кивнул, бледный от ужаса, зарылся дрожащими пальцами в свои — темные, как у отца — волосы. Мелисса набрала 999*,

чувствуя, что окровавленные руки ее не слушаются.

— Вы так его и нашли? — спросила она детей в ожидании ответа оператора. — Он лежал на полу?

Все трое молча кивнули.

— Во сколько вы вернулись с прогулки? — спросила она, поглядывая на часы. — Сколько времени вы гуляли? Все гуляли или кто-то оставался дома?

Лилли хотела что-то сказать, но Льюис накрыл ее руку своей.

— Мы гуляли где-то полчаса, — ответил он. — Все трое. Вернулись примерно десять минут назад.

Десять минут!

Десять минут назад Мелисса как раз болтала с Дафной. У ребят было достаточно времени, чтобы вызвать скорую. Почему же они ее не вызвали?

Но вопросы потом. Сейчас нужно было сосредоточиться на Патрике.

Мелисса посмотрела на кухонную стойку. На ней тоже была кровь и прилипшие темные волосы. Да, скорее всего, Патрик поскользнулся и ударился головой об острый угол деревянной стойки. Она всегда волновалась, что этот угол такой острый. Тысячу раз просила Патрика его закруглить. Если кто-то из нас поскользнется, говорила она и тут же умолкала, не в силах продолжать.

Теперь все, что было не высказано, случилось на самом деле. Сэнди встал и помчался через всю кухню, оставляя на полу кровавые отпечатки лап.

— Господи, Сэнди! — закричала Мелисса. — Лилли, можешь взять его и...

Она застыла, увидев, что возле ноги Патрика что-то блестит.

Нож.

Большой кухонный нож, лезвие которого было в крови. Нож, которым она сегодня утром резала грейпфруты!

Она перевела взгляд с ножа на лужу крови у бедра Патрика. Наклонившись, она ахнула, увидев, что в его животе зияет длинная кровавая рана.

— Это... ножевое ранение! — воскликнула она и в ужасе посмотрела на детей — Вы его что... не видели?

— Мы ничего не видели, — проскулила Лилли, обвив себя руками.

— Служба экстренной помощи. Женский голос резко прервал тревожные мысли Мелиссы. — Какая помощь вам требуется?

— Моего мужа ударили ножом! — сказала Мелисса, и эти слова показались ей такими нелепыми, такими жуткими.

— Сообщите имя и адрес, пожалуйста.

— Мелисса Байетт. Дом номер один, Нью-Пайн-Роуд, Лесная роща. Прошу вас, приезжайте побыстрее.

— Скорая помощь и полиция скоро будут. Мелисса, проверьте, пожалуйста, дышит ли ваш муж.

Мелисса вновь прижала свободную руку к крепкой груди Патрика, такой родной и, слава Богу, все еще теплой.

— Пока да. Его грудь поднимается и опускается. Но он такой бледный...

— Куда он ранен?

— В живот, справа.

— Нужно наложить на рану давящую повязку, чтобы остановить кровь, — сказала девушка-оператор.

— Принеси полотенце из сушилки, — велела Мелисса Льюису и объяснила оператору: — Мой сын принесет полотенце.

— Хорошо. Пусть он как следует прижмет его к ране.

— Прижми полотенце к папиной ране, хорошо, милый? — попросила она Льюиса, когда он вернулся с полотенцем горчичного цвета. Он опустил на колени рядом с телом отца, и кровь тут же оказалась на его джинсах.

— Как это произошло, Мелисса? — спросила оператор.

— Я понятия не имею. Я вернулась домой с работы и обнаружила его. Дети пришли с прогулки пять минут назад и нашли его вот таким.

— И не вызвали скорую?

— Нет. Они в шоке, — ответила Мелисса.

Лилли крепче прижала к себе Грейс и что-то зашептала ей на ухо. Прядь длинных волос карамельного цвета упала на руку маленькой сестренки.

— Сколько им лет, Мелисса? — спросила оператор.

— Двойняшкам по пятнадцать лет и младшей десять.

— Вы можете поставить телефон на громкую связь и спросить у них, что произошло?

Мелисса подчинилась, положив телефон себе на колени.

— Ребята, — сказала она, обведя их взглядом, — вы должны подробно рассказать, что случилось.

— Мы таким и увидели папу, — сказал Льюис. Его карие глаза метались туда-сюда, он смотрел на нож и тут же отводил взгляд. — Буквально за минуту до того, как ты вернулась, мам. Мы не видели, что он ранен...

Он посмотрел на сестер, те сразу же кивнули.

Мелисса нахмурилась. Она посмотрела на нож, потом на детей. Она же выносила их, она была связана с ними пуповиной, их сердца бились, как одно. Она видела их насквозь.

И в этот момент она ясно поняла — они ей врут.

— «Скорая» приедет через две минуты, — сообщила оператор. — Оставайтесь на связи,

хорошо? И ничего не трогайте. Полиция собирается изучить место.

Место... как будто речь идет о месте преступления.

Мелисса ощутила тошноту и вновь посмотрела в перекошенные от ужаса лица детей.

Далекий вой сирены разрезал воздух. Грейс подпрыгнула, словно очнувшись.

— Ох, Грейси!

Мелисса жестом подозвала к себе младшую дочь. Грейс подбежала к ней и крепко обняла, не сводя расширенных от ужаса глаз от тела отца. Лилли встала на колени рядом с братом, и край ее платья тоже покраснел от крови. Она накрыла ладонь Льюиса своей, и они молча переглянулись.

— Мы все здесь, родной, — прошептала Мелисса, наклонившись к уху Патрика. — Вся твоя семья здесь.

Семья.

Она всмотрелась в лица детей. Что же здесь произошло? Почему они так странно себя ведут?

В дверь заколотили. Мелисса осторожно взяла руку Лилли в свою, помогла ей накрыть полотенцем рану на голове Патрика и рванула в прихожую открывать дверь двум парамедикам. Они вбежали в кухню вслед за ней и занялись Патриком, а дети прижались к Мелиссе.

Обняв всех троих, она смотрела на все происходящее, не в силах осознать, что это ее муж лежит сейчас перед ней на кухонном полу. И вдруг замерла.

Куда делся нож?!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАХВАТЫВАЮЩИХ ТРИЛЛЕРОВ «ДЕВЯТЬ ВЯЗОВ» И «ЧЕРНЫЕ ПЕСКИ».

РОБЕРТ
БРЫНДЗА

18+

ТЬМА ПАДЕТ

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«ДЕВУШКА ВО ЛЬДУ»

Роберт Брындза

«Тьма падет»

Тристан ушел, и Кейт тоже уже засобиралась. Она как раз запирала дверь офиса на замок, как вдруг вспомнила, что завтра с утра должны привезти чистое постельное белье для трейлерной стоянки, а в офисе тем временем творится сущий бедлам, по всем свободным поверхностям валяются материалы дела.

— Да чтоб тебя, — пробормотала Кейт.

В своих мечтах она уже удобно устроилась в кресле с чашечкой чая и свежим тостом. Пришлось доставать ключ и открывать дверь. Первым делом она по-быстрому сдвинула коробки к правой стене. Ей везли запас белья на три месяца вперед, которого должно было хватить на восемь трейлеров, так что места понадобится много. Подумав, она поставила коробки одна на другую, в штабель по три.

Хорошо, что Джейк возвращается через две недели. Как ей его не хватает! Он приедет домой на целое лето, поможет ей с трейлерной стоянкой, и ей больше не придется самой разбираться с постельным бельем.

Последней Кейт убрала голубую коробку. Она была не из полицейского архива — эту коробку забрали из редакции, и в ней Джоанна хранила свои наброски статей, важные документы и дневники. Словом, обычная коробка из канцелярского магазина, сделанная из блестящего голубого картона. Уголки были обиты железными заклепками, чтобы картон не помялся. Кейт потянулась за крышкой, и когда яркий электрический свет отразился от ее блестящей поверхности, Кейт заметила на ее внутренней стороне вдавленные очертания букв. Она пригляделась повнимательнее, пытаясь поймать верный угол света, чтобы прочитать написанное, но точно смогла установить только одно: кто-то написал три строчки текста, используя крышку от коробки в качестве планшета для бумаг.

Кейт перевернула крышку и внимательно изучила ее внешнюю поверхность, но нашла только несколько царапин и вмятин, и никаких следов букв. Она взглянула на саму коробку: на ярлычке поблекшими синими чернилами было написано «Заметки 6/2001 — 6/2002». С крышкой от коробки в руках Кейт направилась к картотечным шкафам — там было больше всего света. Она включила яркую настольную лампу и, по-разному поворачивая крышку, попыталась разобрать буквы. Кое-что ей разглядеть удалось, но в слова они никак складываться не хотели.

Тогда Кейт потянулась за своим телефоном. Недавно она купила айфон, и Джейк продемонстрировал ей все возможности его камеры. Вполне вероятно, на фотографии проявится то, что у нее не получается увидеть своими собственными глазами. Кейт сделала несколько снимков, но особенной разницы не обнаружила. Не желая сдаваться, она перекинула фотографии на макбук, открыла графический редактор и принялась возиться с настройками обработки

изображения — подтянула контраст, повысила резкость, убрала шум. Что означают последние две настройки, Кейт догадывалась весьма смутно, но подвигав немного ползунки взад-вперед, она добилась результата. Тени стали глубже и насыщеннее, и надпись на крышке различить стало гораздо проще.

— Черт возьми! — восхищенно произнесла она. Написано было следующее:

«абрать в десять утра или позже? Сделано

Дэвид Ламб Гейб Кемп

Встреча у продовольственного грузовика
07980746029»

Кейт сохранила изображение и тут же распечатала фотографию на принтере, а затем ввела в поисковую строку оба имени. Быстро выяснилось, что в мире живет полным-полно людей по имени Дэвид Ламб и Гейб Кемп. На часах было всего полвосьмого, так что Кейт решила попробовать позвонить по телефонному номеру. Механический голос сообщил, что данный номер больше не

обслуживается. В конце концов Кейт решилась позвонить Бев. Та быстро подняла трубку и нетрезво поздоровалась.

Наверное, стоило все-таки подождать утра, но Кейт очень не терпелось приступить к делу.

— А, Кейт, привет. Все хорошо? — Голос ее звучал гулко и глухо, словно она говорила из очень маленькой комнатки со звучным эхо.

— Простите, что беспокою. Я хотела спросить — может, вам знакомы эти имена? Дэвид Ламб и Гейб Кемп. Не помните таких?

Холли Джексон

хороших

девочек

НЕ

убивают

Домашнее задание —
с риском
для жизни!

Холли Джексон

«Хороших девочек не убивают»

Родители тихо переругивались внизу в гостиной. Наверняка думали, что Пиппа их не слышит. Но она-то давно научилась сквозь любые стены свое имя слышать.

Из доносившихся из-за приоткрытой двери обрывков фраз можно было легко понять, в чем весь сыр-бор. Мама возмущалась, что Пиппа так много времени тратит летом на школьное задание. Папе не понравилось ее возмущение по этому поводу. Мама еще больше разгорячилась — ей показалось, Виктор неправильно ее понял. Она-то имела в виду, что вредно для здоровья на одной теме так заикливаться. А папа стал критиковать маму — мол, та не дает Пиппе на своих собственных ошибках учиться.

Пиппа закрыла дверь. Она прекрасно знала — этот их бестолковый спор скоро сам собой утихнет. Вмешиваться ни к чему. К тому

же требовалось срочно сделать очень важный звонок.

На прошлой неделе она написала в Фейсбуке личные сообщения обоим лучшим подругам Энди. Эмма Хаттон ответила несколько часов назад. Оставила свой номер и сказала, что будет не против сегодня вечером, в восемь, ответить на несколько вопросов. Когда Пиппа сообщила об этом Рави, он ответил кучей радостных смайликов.

Она взглянула на часы на мониторе. Цифры замерли на 19:58 и, казалось, не собираются меняться. Девушка неотрывно сверлила их взглядом в напряженном ожидании.

— Ну давай же, — сказала она вслух, когда даже спустя двадцать секунд восьмерка упорно не хотела превращаться в девятку.

Наконец, целую вечность спустя, это свершилось.

— Уже почти, — сказала Пиппа и нажала на диктофоне кнопку записи. Она набрала номер

Эммы. От волнения у нее по всему телу забегали мурашки. Ответили после третьего гудка.

— Алло, — раздался на том конце высокий приятный женский голос.

— Привет, Эмма. Это Пиппа.

— Ах да, привет. Подожди минутку, я поднимусь к себе.

Пиппа нетерпеливо вслушивалась, как Эмма взбегают по ступенькам.

— Все, пришла, — наконец сказала девушка. — Так ты проект об Энди пишешь?

— Вроде того. О расследовании ее исчезновения и о роли в нем окружения. В общем, своего рода тематическое исследование провожу.

— Ясно, — неуверенно сказала Эмма. — Не знаю даже, чем я-то могу помочь?

— Не волнуйся. У меня всего несколько простых вопросов о тогдашних событиях. Посмотрим, что тебе запомнилось, — сказала

Пиппа. — Во-первых, когда ты узнала об исчезновении Энди?

— Хм... примерно в час ночи. Ее родители позвонили мне и Хлое Берч. Мы ведь были лучшими подругами. Я сказала, что ее не видела, мы не списывались и не созванивались, потом я пообещала им перезвонить и сразу набрала Сэла Сингха, но он до утра не брал трубку.

— А полицейские с тобой разговаривали? — спросила Пиппа.

— Да. Приходили в субботу утром, задавали вопросы.

— Что ты им сказала?

— То же, что и родителям Энди. Сказала, понятия не имею, где она. Она не говорила, что куда-то собирается той ночью. И про парня Энди спрашивали. Ну, я рассказала им о Сэле. И о том, что уже позвонила и сообщила ему о ее исчезновении.

— Что ты им про Сэла рассказывала?

— Ну, что они на той неделе ссорились. Я сама видела. В четверг и пятницу постоянно о чем-то препирались. И что очень странно — обычно Энди на него наезжала, а он отмалчивался. А в тот раз Сэл просто взбесился.

— Из-за чего? — спросила Пиппа. Ей вдруг стало понятно, почему полицейские сочли необходимым срочно допросить Сэла.

— Не знаю. Честно. У Энди спросила — она сказала только, что Сэл разозлился и не в духе.

Пиппа очень удивилась.

— Ясно, — сказала она. — Значит, в пятницу Энди не собиралась встречаться с Сэлом?

— Нет. Она вообще ничего такого не планировала. Хотела дома остаться.

— Почему? — Пиппа напряженно выпрямилась.

— Не знаю, стоит об этом говорить или нет...

— Не волнуйся, — сказала Пиппа, стараясь не выдавать волнения, — если то, что ты скажешь, не относится к делу, я не буду об этом писать в

своей работе. Просто возможно, ты поможешь мне лучше понять обстоятельства исчезновения Энди.

— Ладно. За несколько недель до трагедии младшая сестренка Энди, Бекка, пыталась покончить с собой. Попала в больницу. Родители в тот вечер уходили в гости и попросили Энди остаться, чтобы присмотреть за сестрой.

— Вот как, — только и смогла ответить Пиппа.

— Да... знаю. Бедняжка... Только Энди ее все-таки оставила. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, как тяжело было иметь такую старшую сестру.

— Что ты имеешь в виду?

— М-м, просто... О мертвых плохо не говорят, но... пять лет прошло. Я с тех пор повзрослела и многое осознала. Вспоминаю себя прежнюю, во время дружбы с Энди, и меня передергивает.

— Она была плохой подругой?

— И да, и нет. Очень сложно объяснить, — вздохнула Эмма. — Дружба с Энди меня разрушала. Я от нее зависела. Мне хотелось во всем ей подражать. Ты ведь этого не будешь писать?

— Конечно нет. (Маленькая ложь.)

— Энди была красивой, популярной, веселой. Быть ее подругой считалось очень лестно. Ведь она выделила тебя из всех, захотела с тобой общаться... Значит, ты особенная. А потом в один прекрасный момент ее отношение резко менялось. Она начинала обесценивать и высмеивать твои достоинства. Все, чем ты гордился. Старалась уколоть побольнее. И все же мы оставались с ней рядом. Ждали, когда она снова соизволит обратить на нас свое внимание, чтобы опять радостно за ней бегать. Иногда она вела себя прекрасно, а иногда — отвратительно. И никогда нельзя было предугадать, с какой из этих двух Энди тебе сегодня предстоит общаться. Я удивляюсь, как вообще моя самооценка уцелела.

— Энди со всеми так обращалась?

— Ну, со мной и с Хлоей. Она нечасто нас в свой дом пускала, но я видела, как она к Бекке относится. Тоже ничего хорошего. Иногда очень жестоко с сестрой поступала. — Эмма помолчала. — Я все это говорю не потому, что считаю, будто Энди заслужила то, что с ней произошло. Нет. Совсем нет. Никто не заслуживает, чтобы его убили и закопали неизвестно где. Просто, осознавая сейчас, каким человеком была Энди, я понимаю, почему Сэл ее убил. Она могла сначала заставить тебя почувствовать себя очень хорошо, а потом очень-очень плохо. Рано или поздно это должно было закончиться трагедией.

Эмма захлюпала носом, и Пиппа поняла, что разговор пора заканчивать. Эмма не смогла сдержаться, расплакалась и даже не попыталась этого скрыть.

— Больше у меня нет вопросов. Спасибо за помощь.

— Да пожалуйста, — сказала Эмма. — Извини, я думала, уже отпустило... Похоже, еще нет.

— Это ты меня извини, что заставила вспомнить... Я, кстати, еще написала Хлое Берч, попросила поговорить, она мне пока не ответила. Вы с ней продолжаете общаться?

— Нет. По большому счету нет. Я поздравляю с днем рождения, но... после смерти Энди и окончания школы наши пути разошлись. Думаю, мы подсознательно хотели этого — избавиться от людей, которые связывают с прошлым, и начать жизнь с чистого листа.

Пиппа поблагодарила ее еще раз и нажала на «отбой». Она глубоко вздохнула и с минуту сидела, задумчиво глядя на телефон. Из разговоров с окружением Энди ясно, что та считалась красивой и популярной. Как всякий, кто когда-либо ходил в среднюю школу, Пиппа знала, что у популярных людей часто есть свои странности. Но такого она не ожидала. Эмма до сих пор корила себя за то, что обожала свою мучительницу.

Какой же на самом деле была Энди Белл? Голливудская улыбка... сияющие голубые глаза... что таилось за этим идеальным

образом? Неужели все ходили очарованные, ослепленные ею и не замечали темной стороны ее натуры, пока не становилось слишком поздно?